

РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛОГИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ИДЕЙ

Автор: М. М. СОКОЛОВ

(Наукометрический анализ¹)

СОКОЛОВ Михаил Михайлович - кандидат социологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудник Санкт-Петербургского филиала ГУ-ВШЭ (E-mail: sokolovmikhail@yandex.ru).

С момента появления в 1960-х² индексы цитирования в научной периодике стали предметом ожесточенных дебатов. Сторонники утверждают, что изучение цитирования является лучшим способом оценить интеллектуальное влияние и, опосредованно, важность научных достижений. Их противники настаивают, что сравнения влияния научных работ, основанные на подсчетах цитирований, неизбежно дают искаженные результаты, так как "цитатное поведение" в разных специализациях и академических культурах существенно отличается [1]. Более того, факт использования индексов цитирований для выстраивания академической иерархии вносит искажения в коммуникации между учеными, заставляя их не столько заботиться о передаче информации, сколько о наращивании рейтинга [2]. Эти возражения имеют серьезные основания. Однако в глазах двух ключевых групп игроков поля науки у индексов цитирования есть достоинства, которые в некоторых контекстах искупают их недостатки.

Первое из достоинств существенно для ведающих наукой бюрократов. Им индексы открыли дверь для внедрения "управления по результатам" и иных менеджериальных изобретений. Наукой было бы значительно легче руководить, принимая интеллектуальные достижения видимые и численно измеряемые формы. Точность измерения переменной в административном контексте зачастую оказывается важнее валидности. История индексов цитирования в этом смысле лишь повторяет истории всевозможных макроэкономических показателей, таких, как ВВП или индекс Доу Джонса, общеизвестная условность которых не мешает делать их основой выработки и оценки экономической политики. Появление интернациональных цитирований в качестве показателя эффективности работы российских ученых во всевозможных концепциях Минобрнауки, включение импакт-факторов в расчеты Показателей результативности научной деятельности РАН, выделение средств на разработку Российского индек-

---

¹ Статья основана на публикации на сайте Полит. Ру. Работа поддержана - научным фондом ГУ-ВШЭ "Интернациональный провал постсоветской социологии: Сравнительный анализ институциональных причин" (грант N 08 - 01 - 0102).

² Точное время и место рождения индексов цитирования могут быть указаны с известной условностью. Как и большинство практик, они имели множественные истоки и эволюционировали. К 1960-м относятся первые работы, в которых подсчет цитирований в академической периодике превращается в один из методов исследования науки.

са научного цитирования (РИНЦ) не оставляют сомнений в том, что триумфальное шествие наукометрических индексов не обойдет Россию.

Второе достоинство относится к области политики академического мира. Институты науки должны производить новое и лучшее знание. На уровне здравого смысла кажется очевидным, что оптимальное решение этой задачи требует сосредоточения ресурсов в руках индивидов и коллективов, обладающих наибольшим творческим потенциалом, подразумевая под ресурсами как финансовые и административные возможности, так и столь же дефицитное внимание коллег. Проблема в том, чтобы выделить достойных. Дело осложняется тем, что - как верит подавляющее большинство членов западных обществ, кроме отдельных поклонников Фейерабенда и Латура - только сами ученые могут оценить уровень достижений коллег. Однако, к несчастью, они совсем не всегда готовы делать это добросовестно. Академический мир высококонкурентен. Как знает каждый, кто с ним соприкасался, клики ученых могут стремиться сохранить привилегированное положение, ограничивая доступ членов других клик к ресурсам производства научных результатов, или просто игнорируя результаты, когда они получены.

Возможно, главным, хотя и не всегда четко формулируемым, достоинством индексов цитирования являются проблемы, которые они создают для такого истеблишмента. Подобная форма академической власти строится на двух основаниях: (1) на сравнительной немногочисленности ключевых позиций, и, (2) на том, что внешние по отношению к данной области науки акторы вынуждены полагаться на экспертизу небольшого числа инсайдеров в оценке происходящего в ней. Общенациональный научный фонд или аттестационная комиссия создает экспертный совет, в который входит два десятка экспертов, и в дальнейшем вынуждены полностью полагаться на мнение избранных. Если выбор был сделан - с точки зрения развития науки - неудачно, исправить ошибку практически невозможно, особенно учитывая, что самым частым механизмом пополнения корпуса экспертов является кооптация.

Исследование цитирований, предположительно, лишено этого недостатка. Цитирования можно сравнить с постоянным плебисцитом, в ходе которого каждый автор отдает "голос" за коллег, внесших существенный, с его/ее точки зрения, вклад в научную дискуссию. Каждый, кто в состоянии написать статью, имеет голос, и никто не распоряжается достаточным количеством голосов, чтобы изменить ход голосования в целом. Что столь же существенно, результаты "голосования" могут быть подсчитаны аутсайдерам и напрямую, без обращения к инсайдерам в качестве посредников. Чтобы подсчитать ссылки в геологических журналах, не нужно быть геологом.

В данной статье предлагаются подсчеты индексов цитирований российских социологов в двух базах данных, одной - российской, одной - американской. Затем на их основании формулируются выводы о характере спроса на идеи отечественных социологов и об интеллектуальной жизни в нашем профессиональном сообществе. В заключении делается попытка поместить эти выводы в сравнительно-историческую перспективу.

Процедура и выборка. Для получения приведенных ниже показателей использованы две системы анализа цитирований: РИНЦ и Web of Science Института научной информации (ISI)³. Поскольку ни та, ни другая система не позволяют выстроить рейтинг цитируемости российских авторов автоматически⁴, первым шагом к его получению было составление списка позиций, которые, предположительно, занимают самые авторитетные и влиятельные исследователи. Подсчет цитирований затем производился

³ РИНЦ является открытым ресурсом (<http://www.elibrary.ru>), доступ к WS есть у нескольких российских институтов (список см. на <http://www.isiwebofknowledge.com/>). Автор анализировал цитирования в базах данных Scopus и Google Scholar. Индексы, полученные с помощью последних, не отличались принципиально от таковых в WS и в целях экономии места не приводятся.

⁴ РИНЦ предусматривает такую опцию, но, кажется, до ее активации у разработчиков не дошли руки. WS позволяет получить список наиболее цитируемых индивидов, однако для целей статьи эта функция оказалась бесполезной: вся информация об авторах вводится латиницей, и получить отдельный рейтинг для российских социологов невозможно. Так, Юрий Левада закодирован, как минимум, четырьмя способами (Yu., Iu., J. и U. Levada), ссылки на него оказались бы в рейтинге, автоматически составленном WS, в четырех местах. Приведенные ниже данные по цитированию в базах ISI должны рассматриваться как предварительные.

для каждого из тех, кто занимал хотя бы одну из этих позиций. Список кандидатов в известные социологи, таким образом, был получен путем слияния нескольких других. (А) Списка авторов самых цитируемых статей по социологии, указавшие российское научное учреждение в качестве места работы. (Б) Списка авторов и редакторов книг по социологии, выставленных на продажу на сайте OZON.ru. (В) Академиков и член-корреспондентов РАН, указавшие социологию в качестве области своих интересов. (Г) Членов экспертных советов ВАК, УМО и РГНФ по социологии. (Д) Российских членов редколлегий крупнейших социологических журналов ("Социологические исследования", "Социологический журнал", "Журнал социологии и социальной антропологии", "Социология: 4М", "Мир России"). (Е) Членов правлений профессиональных ассоциаций (РОС, РоСА, ССР, СПАС, СоПСо, Общество М. М. Ковалевского). (Ж) Социологов, удостоившихся персональной статьи в российской Википедии. (З) Авторы статей и ученых, чаще всего упоминаемых в обобщающих публикациях по социологии (например, "Социология в России" 1998 года, под ред. В. А. Ядова). (Д) Докладчиков на пленарных заседаниях и членов Программных комитетов социологических Конгрессов. В выборку включались ныне здравствующие ученые, являющиеся сотрудниками какой-либо из российских научных организаций. Получившийся список включал более 200 имен, по которым проводился поиск.

Результаты. Ниже приводятся данные по цитированию в русскоязычных (табл. 1), затем - в англоязычных (табл. 2) публикациях. Различия в рейтингах требуют комментариев, относящихся как к возможностям и ограничениям индексов цитирования в целом, так и к особенностям постсоветской социологии. Любой индекс цитирования предполагает принятие весьма спорного решения: какие издания включать в базу? Список журналов, которые РИНЦ индексирует и считает социологическими, не может временами не вызвать недоумения. Так, в нем отсутствует старый и популярный "Социологический журнал", зато присутствуют "Вестники" девяти университетов и несколько экзотические "Сервис plus" и "Политематический сетевой электронный научный журнал - Кубанского государственного аграрного университета"; отсутствуют "Политические исследования", печатающие массу статей по политической социологии, но есть публицистическое "Высшее образование в России"⁵.

В отличие от РИНЦ, зачисляющего в категорию "социологических" целые журналы, WS сортирует по дисциплинам отдельные статьи, учитывая, что текст по социологии может появиться и в междисциплинарном или вовсе несоциологическом журнале⁶. В целом, это кажется разумным решением. Однако сортировки, произведенные сотрудниками Института научной информации, часто вызывают недоумение. Так, самая цитируемая статья, написанная российским социологом не в соавторстве с западными коллегами (которое, как правило, обозначает, что российский участник группы собирает данные, а западные - пишут текст, ориентируясь на хорошо известные им нормы академического письма) была отнесена к категориям economics и political science, а не sociology - несмотря на то, что ее автор всегда идентифицировал себя именно с социологией⁷. Поэтому в этой статье данные о цитировании в WS приводятся без учета группировки по дисциплинам, предложенной создателями базы. Именно это объясняет (во всяком случае, частично) более высокие показатели Игоря Кона и Галины Андреевой в рейтинге по версии WS. Поскольку подсчет русскоязычных цитирований в нем производился по выборке, включающей издания по всем социальным и гуманитарным наукам (базы Social Science Citation Index и Arts and Humanities Citation Index),

---

⁵ Для сравнения, индекс цитирования Пьера Бурдьё составляет 67, а Энтони Гидденса - 54. Всего на Бурдьё сослалось 254 статьи, однако, большая их часть (74%) оказалась в журналах, которые РИНЦ не считает социологическими. Все данные в настоящей статье основаны на выборке из 9277 статей в изданиях, отнесенных РИНЦ к социологическим.

⁶ Классическая статья Мертона об "эффекте Матфея" вышла в Science [3].

⁷ Статья Вадима Волкова [4], 25 цитирований. Для создания верного ощущения масштаба при чтении этих таблиц надо сказать, что более 1000 цитирований в SSCI соответствует в социологии уровню живого классика калибра Гарфинкеля, 500 - 1000 дают доминирующую фигуру в какой-либо предметной области исследований, а 100 - 500 соответствуют важной фигуре в одной из таких областей.

Таблица 1

Цитирование российских социологов в русскоязычных публикациях по версиям РИНЦ и Web of Science (первые 25 имен)

	Имя и аффилиация	Число цитирующей статей в социологических изданиях в базе РИНЦ	Имя и аффилиация	Число цитирующих статей в русскоязычных изданиях в базах SSCI A&HCI
1.	Лев Гудков ("Левада-Центр")	101	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)	290
2.	Борис Дубин ("Левада-центр")	81	Владимир Ядов (ИС РАН - ГУГН)	233
3.	Татьяна Заславская (МВШСЭН)	79	Галина Андреева (психфак МГУ)	202
4.	Жан Тощенко (ИС РАН - РГГУ)	60	Жан Тощенко (ИС РАН - РГГУ)	161
5.	Владимир Ядов (ИС РАН - ГУГН)	57	Татьяна Заславская (МВШСЭН)	141
6.	Вадим Радаев (ГУ - ВШЭ)	54	Михаил Руткевич (Российская Академия Наук)	139
7.	Юрий Резник (Российский институт культурологии)	52	Геннадий Осипов (ИСПИ РАН)	102
8.	Овсей Шкаратан (ГУ - ВШЭ)	42	Николай Лапин (ГУ - ВШЭ)	86
9.	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)		Андрей Здравомыслов (ИС РАН - ГУ ВШЭ)	74
10.	Альберт Кравченко (ИС - РАН - соцфак МГУ)		Олег Яницкий (ИС РАН)	53
11.	Наталья Тихонова (ИС РАН - ГУ - ВШЭ)	37	Теодор Шанин (МВШСЭН)	51
12.	Николай Лапин (ГУ - ВШЭ)	32	Леокадия Дробижева (ИС РАН)	
13.	Андрей Здравомыслов (ИС РАН - ГУ ВШЭ)	31	Овсей Шкаратан (ГУ - ВШЭ)	
14.	Геннадий Осипов (ИСПИ РАН)	30	Вадим Волков (Европейский университет в СПб)	50
15.	Леокадия Дробижева (ИС РАН)	29	Наталья Римашевская (ИСЭПН РАН)	46
16.	Леонид Ионин (ГУ - ВШЭ - ИС РАН)	28	Василий Патрушев (ИС РАН)	45
17.	Зинаида Голенкова (ИС РАН)	26	Альберт Кравченко (ИС РАН - соцфак МГУ)	43
18.	Франц Шереги (Центр социального прогнозирования)	24	Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)	39
19.	Сергей Кравченко (МГИМО)	23	Лев Гудков ("Левада-Центр")	36
20.	Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)		Владимир Магун (ИС РАН)	34
21.	21. и 22. Светлана Барсукова	20	21. Зинаида Голенкова (ИС РАН)	33
22.	(ГУ - ВШЭ) и Юрий Арутюнян (Российская Академия Наук)		Наталья Тихонова (ИС РАН) и Сергей Кравченко	31
23.	23. Михаил Руткевич (Российская Академия Наук)	19	(МГИМО)	
24.	24 - 25. Инна Девятко (ГУ - ВШЭ) и Владимир Добренское	17	24. Франц Шереги (Центр социального прогнозирования)	27
25.	(соцфак МГУ)		25. Елена Ярская-Смирнова - (Саратовский Государственный Технический Университет)	26

исследователи с междисциплинарной специализацией оказались в более выгодном положении. Основные различия между рейтингами связаны с другим обстоятельством. Рейтинг WS отражает распределение цитирований за последние несколько десятилетий (так, "Социологические исследования" индексировались с 1974 года). В базу РИНЦ в настоящее время входят преимущественно недавние номера журналов (более 80% - последние 5 лет). Различия между двумя столбцами в таблице 1 фиксируют изменения в со-

Таблица 2

Цитирование российских социологов в публикациях на иностранных языках по версии Web of Science (первые 25 имен)

	Имя и аффилиация	Цитирующих статей на иностранных языках после 2002 года	Имя и аффилиация	Цитирующих статей на иностранных языках во всей базе ISI
1.	Вадим Волков (Европейский университет в СПб)	103	Теодор Шанин (МВШСЭН)	609
2.	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)	70	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)	379
3.	Теодор Шанин (МВШСЭН) и Лев Гудков ("Левада-центр")	68	Вадим Волков (Европейский университет в СПб)	185
4.			Татьяна Заславская (МВШСЭН)	170
5.	Ольга Крыштановская (ИС РАН)	62	Ольга Крыштановская (ИС РАН)	131
6.	Олег Хархордин (Европейский университет в СПб)	60	Олег Хархордин (Европейский университет в СПб)	117
7.	Вадим Радаев (ГУ - ВШЭ)	46	Лев Гудков ("Левада-центр")	113
8.	Борис Дубин ("Левада-центр")	44	Михаил Руткевич (Российская Академия Наук)	96
9.	Наталья Римашевская (ИСЭПН РАН)	35	Наталья Римашевская (ИСЭПН РАН)	90
10.	Елена Здравомыслова (Европейский университет в СПб)	15	Вадим Радаев (ГУ - ВШЭ)	86
11.			Галина Андреева (психфак МГУ)	84
12.	Геннадий Осипов (ИСПИ РАН), Олег Яницкий (ИС РАН)		Леокадия Дробижева (ИС РАН)	82
13.	Татьяна Заславская (МВШСЭН) и	13	Леонид Ионин (ГУ - ВШЭ)	80
14.	(МВШСЭН) и Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)		Геннадий Осипов (ИСПИ РАН)	78
15.	Галина Андреева (психфак МГУ)	12	Борис Дубин ("Левада-центр")	70
16.	и Наталья Тихонова (ИС РАН)		Овсей Шкаратан (ГУ - ВШЭ)	61
17.	Леокадия Дробижева (ИС РАН)	11	Андрей Здравомыслов (ГУ - ВШЭ - ИС РАН)	54
18.	Владимир Магун (ИС РАН)	10	Владимир Магун (ИС РАН)	49
19.	Елена Омельченко (Ульяновский государственный университет)	9	Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)	47
20.	Андрей Здравомыслов (ИС РАН - ГУ-ВШЭ)	8	Олег Яницкий (ИС РАН)	46
21.	Михаил Руткевич		Жан Тощенко (ИС РАН - РГГУ)	43
22.	(Российская Академия Наук) и Жан Тощенко (РГГУ - ИС РАН)		Николай Лапин (ГУ - ВШЭ)	36
23.	23 - 26. Сергей Голод (Социологический институт РАН), Леонид	7	Сергей Голод (Социологический институт РАН, СПб)	31
24.	Ионин (ГУ - ВШЭ), Анна Темкина (Европейский университет в СПб),		Елена Здравомыслова (Европейский университет в СПб)	24
25.	Овсей Шкаратан (ГУ - ВШЭ)		Владимир Ядов (ИС РАН - ГУГН)	23

ставе наиболее цитируемых отечественных социологов в этот период. Эти изменения отражают сдвиги в том, какого рода тексты пользовались наибольшим спросом среди коллег и какие стратегии их продвижения давали наилучшие результаты.

Сравним эту таблицу с другой (табл. 2), отображающей цитирование российских социологов в статьях на иностранных языках, вошедших в Web of Science - за последние 5 лет и за весь период, индексированный WS.

Совпадение между таблицами менее значимо, чем можно было бы ожидать. Списки 25 наиболее цитируемых в последние годы на русском и иностранных языках социологов имеют лишь 14 общих фамилий. При этом из 10 занимающих первые строчки во второй таблице, на которых приходится более 3/4 всех цитат на иностранных

языках (576 из 746), в первой таблице фигурируют 4 (Дубин, Гудков, Кон и Радаев). Некоторые из имеющих очень высокий индекс русскоязычного цитирования не получают практически никакого цитирования на иностранных языках. Юрий Резник - 1 ссылка в WS после 2003 г., Альберт Кравченко - 3, Сергей Кравченко - 2 и т. д. Обратное тоже верно: на многих из активно цитируемых иностранными коллегами практически не ссылаются коллеги российские (Вадим Волков - 8 ссылок в РИНЦ, Олег Хархордин - 4).

Выводы. 1. Первый вывод и главный вывод следует из только что сказанного. *Связь между национальной и международной известностью российских ученых оказывается относительно слабой.* Можно быть известным российским социологом за пределами России - и практически неизвестным массам коллег в ней, и наоборот. На внутреннем и внешнем "рынках идей" господствует спрос на разные типы работ. Бросающимся в глаза обстоятельством оказывается преобладание в цитируемой на русском языке в последние годы литературе вузовских учебников. Книги Юрия Резника, Альберта и Сергея Кравченко, Геннадия Осипова, Леонида Ионина и Владимира Добренькова, а также (в меньшей степени) Вадима Радаева и Инны Девятко, привлекающие больше всего ссылок, - учебные пособия.

Строго говоря, сам по себе этот паттерн не нов. Книги Игоря Кона, Владимира Ядова и Галины Андреевой, больше всего цитировавшихся в предыдущий период, также привлекали значительную часть аудитории, лишенной прямого доступа к западной литературе, предлагая адаптированную к потребностям советского и постсоветского читателя ретрансляцию западных теорий (или, в случае Ядова, исследовательских стратегий). Кажется, из молодых исследователей, получивших известность в России, только "школа Левады" (Гудков, Дубин, Левинсон) обошлась без обращения к этому средству.

По понятным причинам, российские учебники и их авторы привлекали значительно меньше цитирований западных коллег. Во-первых, стандартные университетские учебники в целом цитируются ими значительно меньше, уступая первоисточникам. Во-вторых, поскольку российские учебники в заметной степени представляют собой в содержательном смысле пересказ западных учебников, обратная ретрансляция их содержания теряет всякий смысл. Описать спрос со стороны западных коллег, который некоторые российские исследователи все же смогли удовлетворить, несколько сложнее. Здесь, видимо, произошли существенные изменения за последние 20 лет. Железный занавес, закрытость и искаженность официальной статистики в СССР делали информацию о советском обществе дефицитным товаром.

С тех пор этот интерес существенно сократился, если не исчез вовсе. Железный занавес рухнул; за ним не оказалось ничего интересного. Информация о России перестала быть дефицитом, превратилась в глазах западных социальных ученых в предмет значительно меньшей важности, чем была прежде⁸. Критерии, по которым оценивались работы постсоветских коллег, существенно изменились - и, в целом, стали значительно строже. Привлекшие англоязычное цитирование тексты, опубликованные после 1990 года, отличаются по жанру от аналогичных текстов предшествующих десятилетий. Наиболее цитируемые в статьях на иностранных языках работы этого периода условно можно разделить на две группы. К первой относятся тексты авторов, зачастую получивших образование на Западе и включившихся в англоязычную теоретическую дискуссию. К этой группе относятся работы Вадима Волкова и Вадима Радаева по неоинституциональной экономике, Олега Хархордина - по генеалогии российской личности и "актор-сетевой теории", Елены Здравомысловой и Анны Темкиной - по гендерной социологии, Елены Омельченко - по культуральным исследованиям молодежи. Ко второй группе принадлежат работы, поставившие факты о России, которые были востребованы аудиторией западных славистов. Отличительной чертой этой группы работ было то, что они опирались на масштабные эмпирические исследования

---

⁸ Этот спад интереса легко проследить по динамике англоязычных социологических публикаций, посвященных советской/российской социологии. С 1955 по 1990 в США вышло 7 книг, а в периодике появилось по меньшей мере 15 статей о социологии в СССР [5]. С 1990 не появилось ни одной аналогичной работы, описывающей состояние и развитие социологии в России (в 2004 г. переиздана книга Элизабет Вайнберг с новым послесловием).

Таблица 3

Распределение наиболее цитируемых авторов в РИНЦ и WS (последние 5 лет) по годам рождения

Годы рождения	1925 и ранее	1926 - 1930	1931 - 1935	1936 - 1940	1941- 1945	1946 - 1950	1951 - 1955	1956 - 1960	1961 - 1965	1966 и позже
В списке РИНЦ	1	6	4	3	2	4	1	1	1	2
В списке WS	2	5	6	1	1	3	3	2	3	0

(как правило, количественные) и отвечали на вопросы, которые задавала себе междисциплинарная аудитория, интересующаяся Россией: каково социальное происхождение современной российской политической элиты? (Ольга Крыштановская); изменяется ли положение женщин в России? (Наталья Римашевская); насколько распространены в России националистические настроения? (Борис Дубин, Лев Гудков, Алексей Левинсон). Работы Теодора Шанина попадают в обе эти группы. Несколько особняком стоит Игорь Кон, который, по всей видимости, приобрел в глазах интернациональной аудитории авторитет интеллектуала, выступающего от имени сексуальных меньшинств.

2. Вторым выводом, бросающим тень на саму валидность измерений влияния, основанных на подсчете цитировании, является *высокая степень концентрации цитирований конкретных авторов в отдельных изданиях*. В российских условиях, в которых журналы, как правило, локализованы в стенах какого-то одного учреждения и публикуют в первую очередь (иногда - почти исключительно) его сотрудников, индекс цитирования последних часто целиком и полностью определяется тем, попало ли в базу "их" издание. Сотрудники "Левада-центра", занявшие первые две строки в рейтинге РИНЦ, в значительной степени обязаны своим положением тому, что составители Индекса (в отличие от авторов пресловутых списков ВАК) включили в него "Мониторинг..." и "Вестник общественного мнения". Исключение этих журналов из числа изданий, по которым производился поиск, сокращает цитирования Л. Гудкова до менее внушительных - 21, Б. Дубина - до 17.

3. Еще одним выводом является *концентрация интеллектуальной жизни в столицах и отдельных институтах*. Из 40 индивидов, перечисленных в таблицах, 33 (83%) в настоящее время живут и работают в Москве, 5 (13%) - в Петербурге, и только двое за их пределами - в Саратове (Ярская-Смирнова) и Ульяновске (Омельченко). Многие из 33 столичных социологов перебрались в Москву, достигнув широкой известности, из Ленинграда (Ядов, Здравомыслов, Шкаратан) или Новосибирска (Заславская, Рывкина). Более того, из 40 перечисленных 12 (30%) имеют, по крайней мере, одну из аффилиаций с Институтом социологии РАН, 7 (18%) - с Государственным университетом - Высшей школой экономики (двое имеют обе аффилиаций), 4 (10%) - с Европейским университетом в СПб⁹. 4 организации числят в своих рядах по двое из героев этой статьи ("Левада-центр", Московская высшая школа социальных и политических наук, социологический факультет МГУ, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН). Этот паттерн разительно контрастирует с американской, британской или германской социологией, где несколько - обычно между пятью и десятью - разбросанных по стране доминирующих университетов, ни один из которых не имеет безусловного преимущества перед остальными (некоторым отклонением от паттерна выглядит сверхцентрализованная Франция).

4. Наконец, в-четвертых, мы видим *отчетливую поколенческую динамику* (табл. 3). Рассмотрев распределение наиболее цитируемых авторов по годам рождения, мы обнаруживаем, что в обеих таблицах наблюдается всплеск, приходящийся на поколение,

⁹ Подсчеты основаны на данных просмотра страниц соответствующих учреждений в Интернете и могут устареть или быть неточными. Заранее приношу извинения индивидам и организациям, в отношении которых я мог допустить ошибку. Тем не менее, не думаю, что расстановка сил принципиально отлична от той, которую отражают подсчеты.

появившееся на свет около 1930 г. Дальнейшая динамика, однако, различна: в первой строке за этим подъемом следует почти равномерный спад, в то время как во второй после 1945 г. наблюдается нечто похожее на еще один подъем, хотя и менее выраженный, приходящийся на поколения 1945 - 1965 годов рождения. Цифры слишком малы для статистических заключений, но картина кажется знакомой по исследованиям в социологии науки: поколение первопроходцев осваивает институциональное и интеллектуальное пространство, оставляя на долю идущих следом ограниченные возможности. Поколения 1925 - 1935 годов закрыли собой позиции на внутреннем социологическом рынке и, частично, на внешнем, на котором существует спрос на экспертов по "российскому случаю". На этом последнем, однако, их монополия поколеблена молодыми коллегами, лучше освоившими "правила игры" западной науки и за счет этого добившимися значительного признания в ней. В свою очередь, кажется, это поколение, оставило мало шансов идущим следом. Ни один из российских исследователей младше 40 лет не приблизился к 25-й строчке ни в одном из столбцов.

Заключительные замечания. Продолжение аналогии между, с одной стороны, механизмами распределения академической власти и академического статуса, и, с другой стороны, видами политической организации, открывает интересные перспективы использования в социологии науки категориального аппарата, разработанного неовеберовской сравнительно-исторической социологией [7]. Центральным для Вебера было представление об истории как о борьбе групп, стремящихся к доминированию над остальными. Однако борьба идей является не единственным способом завоевать место под солнцем в Академии, а интеллектуальное влияние - не единственной потенциально действенной формой академической власти. Наравне с группами, объединенными тем, что их члены сделали ставку на какую-то теорию или метод, существуют группы, власть которых строится на контроле над доходами, условиями труда и карьерными перспективами внутри формальных организаций. Эта власть, пользуясь терминологией Майкла Манна [8], авторитарна и интенсивна - она может мобилизовать небольшое число индивидов на осуществление значительных усилий по распоряжению тех, кто ей обладает. Напротив, интеллектуальное влияние диффузно и экстенсивно - оно охватывает большие территории и большее число индивидов, но каждый из них в отдельности подвержен лишь ограниченному ее влиянию. Особенностью индексов цитирования (как и, например, голосований во время выборов) является то, что возможности экстенсивной мобилизации кратковременной, но массовой поддержки, является более существенным ресурсом, чем интенсивная власть бюрократических кланов.

Разные институты науки могут с неодинаковым успехом использоваться обладателями академической власти. Масштабные бюрократические структуры обеспечивают преимущество носителям интенсивной авторитарной власти, индексы цитирования (в идеале) - власти экстенсивной и диффузной. Предположение в том, что институциональная структура академических систем способствует развитию неформальной организации сообщества ученых, максимально приспособленной для наращивания выгодного в ней вида властных ресурсов. Там, где это диффузная и экстенсивная известность, возникают "теоретические группы" [9] и "сети интеллектуалов" [10], борющиеся за интеллектуальное доминирование. Там, где диффузная власть является второстепенным ресурсом, производство идей перестает быть оптимальным средством обеспечить свою карьеру в академическом мире - и, вольно или невольно, ученые вынуждены сокращать инвестиции в их порождение и продвижение, создавая стагнацию в интеллектуальной жизни. Однако проверка гипотезы о том, что многократно оплаканный "кризис социологии в России" имеет именно эти истоки, выводит нас далеко за рамки

---

¹⁰ Это не исключительно российский паттерн. На пятилетие 1926 - 1930 годов пришлось рождение Г. Беккера (1928), П. Бергера (1929), П. Бурдьё (1930), Р. Дарендорфа (1929), Дж. Коулмэна (1926), Н. Лумана (1927), Ю. Хабермаса (1929), М. Фуко (1926) и еще примерно дюжины авторов, которые вместе формировали современную социальную теорию. Объяснение того, почему поколение, на юношеские годы которого пришлась Вторая Мировая война, оказалось столь интеллектуально продуктивным, может быть чисто институциональным. И на Западе, и в странах социалистического блока решающие периоды в академических карьерах этого поколения совпали с моментами скачков в институционализации социологии (подробнее см. [6]).

данной статьи, как и обсуждение того, может ли повсеместное использование индексов цитирования изменить ситуацию - и какими должны быть индексы, способные справиться с этой задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Напр., *Hargens L.* Using the Literature; Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship // *Am. Sociological Rev.* 2000. V. 65, N 6. Pp. 846 - 865; *Najmann J., Hewitt B.* The Validity of Publication and Citation Counts for Sociology and Other Selected Disciplines // *J. of Sociology*, 2004. V. 39, N 1. Pp. 62 - 80.
2. Напр., *Glaser J.* Why the Most Influential Books in Australian Sociology Are Not Necessarily the Most Cited Ones? // *J. of Sociology*, 2004. V. 40, N 3. Pp. 261 - 282.
3. *Merton R.* Mathew Effect in Science // *Science*. 1968. V. 159. Pp. 56 - 63.
4. *Volkov V.* Between Economy and the State: Private Security and Rule Enforcement in Russia // *Politics & Society*. V. 28, N 4, 2000. Pp. 483 - 501.
5. См. напр., статьи *Shalin D.* Sociology for the Glasnost Era; Institutional and Substantive Changes in Recent Soviet Sociology // *Social Forces*. 1990. V. 68. Pp. 1019 - 1039; *Lane D.* Ideology and Sociology in the USSR // *British I. of Sociology*. 1970. V. 21, N 1. Pp. 43 - 51; *Greenfeld L.* Soviet Sociology and Sociology in Soviet Union // *Annual Review of Sociology*. 1988. V. 14. Pp. 99 - 123; *Beliaev E., Butorin P.* The Institutionalization of Soviet Sociology: Its Social and Political Context // *Social Forces*. 1982. V. 61, N 2. Pp. 418H-35 и монографии Fisher G. Science and politics: The new sociology in Society Union - N. Y. 1964; *Simirenko A.* Soviet Sociology: Historical Antecedents and Current Appraisals. Chicago: Quadrangle Books, 1966. Soviet Sociology, 1964 - 75: A Bibliography. / ed. by *M. Matthews, T. Jones*. N. Y. - L.: Praeger Publishers, 1978; *Zemtsov I.* Soviet Sociology: A Study of Lost Illusions in Russia under Soviet Control of Society. Fairfax: Hero Books, 1985; *Shlapentokh V.* The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder and L.: Westview press, 1987; *Weinberg E.* The Development of Sociology in the Soviet Union Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974 (Переиздание Ashgate, 2004) и главу в *Гоулднер А.* Грядущий кризис западной социологии. СПб: Наука, 2003. Гл. 12 ("Упадок марксизма и возникновение академической социологии в Советской России"), С. 504 - 535.
6. *Collins R.* Is 1980s Sociology in the Doldrums? // *Am. J. of Sociology*. 1986, V. 91, N 6. Pp. 1336 - 1355.
7. Примеры исследований науки, относимых к неовеберрианской перспективе в этом понимании термина: *Starr P.* The Social Transformation of American Medicine. Basic Books, 1982; *Bourdieu P.* Homo Academicus. Cambridge, UK: Polity Press, 1984; *Turner B.* Sociology as an Academic Trade: Some Reflections on Centre and Periphery in the Sociology Market // *J. of Sociology*, 1986, V. 22, N 2. Pp. 272 - 282; *Lamont M.* How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida // *Am. J. of Sociology*, 1987, V. 93, N 3. Pp. 584 - 622.
8. *Mann M.* The Sources of Social Power: A History of Power since the Beginning till A. D. 1760. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
9. *Mullins N.* The Development of Specialties in Social Sciences: The Case of Ethnomethodology // *Science Studies*. 1973. Vol. 3. N 3. Pp. 245 - 273.
10. *Collins R.* Toward a Theory of Intellectual Change: The Social Causes of Philosophies // *Science, Technologies and Human Values*, 1989, Vol. 14, N 2. Pp. 107 - 140. См. также: *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений. Новосибирск, 2002.